

ПЕЛАМ ГРЕНВИЛЛ

ВУДХАУС

ТЕТКИ — НЕ ДЖЕНТЛЬМЕНЫ

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я   К Л А С С И К А

Дживс и Вустер

Пелам Гренвилл Вудхаус
Тетки – не джентльмены

«АСТ»

1974

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Вудхаус П.

Тетки – не джентльмены / П. Вудхаус — «АСТ», 1974 — (Дживс и Вустер)

ISBN 978-5-17-107199-8

По предписанию врача Берти Вустер отправляется в деревню восстанавливать здоровье. Но вскоре отдых нарушен чередой событий с участием эксцентричной девушки, ее маниакально ревнивого жениха и грубияна папаши, соседа-полковника, имеющего все основания подозревать, что под личиной Вустера скрывается знаменитый вор экстра-класса, и тетушки Далии, придумавшей поистине дьявольский план, как выиграть на местных скачках...

УДК 821.111-31

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-107199-8

© Вудхаус П., 1974

© АСТ, 1974

Содержание

1	5
2	7
3	12
4	18
5	24
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Пелам Гренвилл Вудхаус

Тетки – не джентльмены

1

Если мне не изменяет память, я пел арию тореадора из оперы «Кармен», когда, лежа в ванне, заметил на груди пятнышки. Розовые, как первые проблески зари. Я с беспокойством разглядывал их. Мне не свойственно паниковать по пустякам, но я решительно отказываюсь быть пятнистым, наподобие пардуса, по выражению Дживса, а этот самый пардус вроде бы из того собачьего семейства, название которого начинается на букву «д».

– Дживс, – сказал я за завтраком, – у меня на груди появились пятнышки.

– Вот как, сэр?

– Розовые.

– В самом деле, сэр?

– Мне они не нравятся.

– Вполне понятная неприязнь, сэр. Позвольте спросить, они зудят?

– Вроде бы да.

– Я бы не рекомендовал их чесать.

– Тут я не согласен. Против пятнышек следует применять решительные меры. Вспомните, что сказал поэт.

– Сэр?

– Поэт Огден Нэш¹. Он написал стихи в защиту привычки чесаться. Кто такая Барбара Фритчи, Дживс?

– Это леди, сэр, которая стяжала себе славу во время войны между Севером и Югом в Америке.

– Женщина с сильным характером? И ей можно полностью доверять?

– Насколько мне известно, да, сэр.

– Так вот что написал поэт Нэш. «Барбару Фритчи я почитаю и с полной уверенностью утверждаю: старушка смело бралась за дело и чесала там, где у нее зудело»². Но я не ограничусь чесанием. Я обращусь к помощи опытного врача.

– Весьма благоразумное решение, сэр.

Трудность заключалась в том, что если не считать кори, перенесенной в младенчестве, я никогда ничем не болел и знакомых врачей у меня не было. Но тут я вспомнил, что мой американский приятель, Типтон Плимсол, с которым мы обедали накануне вечером по случаю его помолвки с Вероникой, единственной дочерью полковника и леди Гермион Ведж из Блэндингс-Касл, что в Шропшире, упомянул какого-то врача, который однажды ему здорово помог. Я решил позвонить Типтону, чтобы узнать имя и адрес этого врача.

Типтон долго не брал трубку, а когда наконец ответил, принялся возмущаться, что его разбудили в такую рань. После того как он излил мне душу, я сменил тему и, в свою очередь, тоже излил ему душу, и тут он проявил участие и сообщил мне необходимые сведения. Все разузнав, я вернулся к Дживсу.

– Я поговорил с мистером Плимсом, Дживс, и теперь знаю, что делать. Он настоятельно рекомендует, не теряя времени, обратиться к медику Э. Джимпсону Мергэтройду. По его сло-

---

¹ Огден Нэш (1902–1971) – американский поэт, автор парадоксальных юмористических стихотворений, продолжатель традиции «поэзии нонсенса».

² Огден Нэш. Долой табу.

вам, если мне нужен врач-весельчак, который, тыча в ребра стетоскопом, расскажет сначала анекдот о двух ирландцах по имени Пэт и Майк, а потом о двух шотландцах по имени Майк и Сэнди, то в таком случае Э. Джимпсон мне не подходит. Если же я ищу врача, который знает, как лечить пятнышки, то, вне всякого сомнения, именно он мне и нужен, поскольку изучил эти самые пятнышки вдоль и поперек и лечит их, можно сказать, с детства. Оказывается, с Типтоном недавно приключилась такая же беда, и Мергэтройд в два счета вернул его к жизни. Так что пока я переодеваюсь в нечто более импозантное, пожалуйста, свяжитесь с ним и узнайте, когда он сможет меня принять.

Едва я скинул свитер и фланелевые брюки, в которых завтракал, как Дживс сообщил мне, что Э. Джимпсон ждет меня в одиннадцать. Я поблагодарил его и попросил позвонить в гараж, чтобы мне подогнали машину без четверти одиннадцать.

– Немного раньше, сэр, позволю себе предложить, – сказал Дживс. – В городе оживленное движение. Не лучше ли взять такси?

– Нет, и вот почему. Я намерен после визита к врачу съездить в Брайтон и глотнуть морского воздуха. Вряд ли оживление на улицах будет больше, чем обычно.

– Боюсь, это не так, сэр. Сегодня утром проводится демонстрация протеста.

– Как, опять? Похоже, последнее время их устраивают каждый час, правда?

– Верно, сэр, редкими их не назовешь.

– Не знаете, по какому поводу протестуют сегодня?

– Затрудняюсь ответить, сэр. Повод может быть любым. Народ недоверчив, склонен роптать и, как повелось, власть во всем обвинять.

– Поэт Нэш?

– Нет, сэр, поэт Геррик³.

– Сказано довольно-таки язвительно.

– Да, сэр.

– Интересно, чем его так допекли. Наверное, оштрафовали на пять фунтов за то, что он не прочистил трубу у себя на крыше.

– Я не располагаю сведениями на этот счет, сэр.

Спустя несколько минут я уже сидел за рулем своего спортивного авто, направляясь на условленную встречу с Э. Джимпсоном Мергэтройдом. Для больного, у которого на груди высыпали пятнышки, я чувствовал себя до странности легко и беспечно. Утро было великолепным, я быстро катил вперед и готов был запеть от избытка чувств. Но вскоре мой автомобиль поравнялся с толпой демонстрантов и застрял. Я откинулся на спинку сиденья и стал благодушно наблюдать за происходящим.

---

³ Роберт Геррик (1591–1674) – английский поэт, принадлежавший к школе кавалеров, разновидности куртуазного барокко.

2

Не знаю, по какому поводу протестовали эти бедолаги, но он явно задевал их за живое. К тому времени, когда моя машина оказалась в окружении демонстрантов, многие из них уже переходили от диких воплей на язык бутылок и камней, и полицейским, которые там присутствовали в изрядном количестве, это, похоже, не особенно нравилось. Вот уж кому не позавидуешь в подобных ситуациях, так это полицейскому. Всякий, кому не лень, может запустить в него бутылкой, но если он попробует швырнуть ее обратно, то завтра все газеты поднимут вой, обличая зверства полиции.

Однако терпение даже самого кроткого полицейского не безгранично, и мне показалось – а в таких делах у меня есть опыт, – что еще мгновение, и глубины ада содрогнутся. Чего доброго, машину мне поцарапают.

Во главе демонстрации шла девушка, я присмотрелся к ней и с удивлением понял, что она мне знакома. По правде говоря, я даже когда-то делал ей предложение. Ее звали Ванесса Кук, мы познакомились на вечеринке с коктейлями, и она была столь ослепительно прекрасна, что не прошло и двух минут после того, как я принес ей мартини и порцию маленьких сосисок на шпажках, а я уже сказал себе: «Смотри, Бертрам, дело стоящее. Вперед, не упusti свое счастье». И по истечении положенного срока предложил ей слияние фирм. Но увы, я был не в ее вкусе, и из этого ничего не вышло.

Разумеется, тогда сердце Вустера было разбито, но теперь, оглядываясь на почившее прошлое, я вижу, что мой ангел-хранитель не дремал и заботился о моем благе. Иными словами, ослепительная красота – это, конечно, замечательно, но не в ней счастье. Воображаю, какая семейная жизнь ждала бы меня с этой юной красоткой. Она бы только и делала, что бегала на демонстрации, а мне пришлось бы ее сопровождать и бросать бутылки в полицейских. Страшно подумать, во что бы я влип, будь хоть немного привлекательнее. Эта история послужила мне хорошим уроком – никогда не теряй веру в своего ангела-хранителя, поскольку они, эти самые ангелы-хранители, вовсе не дураки.

Рядом с Ванессой Кук шагал здоровый верзила без шляпы, который тоже оказался мне знаком. Это был О. Дж. (Орло) Портер. В Оксфорде мы жили по соседству, здоровались, встречаясь на лестнице, да иногда одалживали друг у друга чашку сахара, только и всего. Никакой дружбы между нами не было, поскольку Орло подвизался в профсоюзе, где, по слухам, выступал с пламенными, крайне леворадикальными речами, а я из тех людей, которым нравится просто жить в свое удовольствие.

Отдыхали мы тоже по-разному. Орло, вооружившись биноклем, все свободное время наблюдал за птицами, изучая их повадки. Меня же подобное занятие нисколько не вдохновляло. Не понимаю, что в нем хорошего? Встретившись с птицей, я дружески машу ей рукой в знак того, что не желаю ей ничего худого, но прятаться в кустах, подглядывая за пташками, – нет уж, увольте, это не по мне. Так что, повторяю, Орло Портер не входил в число моих приятелей, но мы всегда неплохо ладили и теперь, встречаясь по окончании университета, общались как старые знакомые.

В Оксфорде ему предрекали бурное политическое будущее, и пока оно не наступило, Орло служил в Страховой компании Лондона и близлежащих графств, зарабатывая на хлеб насущный тем, что уговаривал несчастных простаков – и меня в том числе – выложить за страховку более значительную сумму, чем входило в их намерения. Из оратора, поднаторевшего произносить пламенные, крайне леворадикальные речи, само собой получается ловкий стра-

ховой агент – он всегда найдет *mot juste*⁴, и лексикон у него богатый. Вот и я, как говорится, пал жертвой красноречия Орло Портера.

Швыряние бутылками достигло наивысшего накала, и я уже не на шутку опасался за свою машину, как вдруг случилось нечто, изменившее ход моих мыслей. Дверца машины распахнулась, и то, что в газетах называют упитанным мужским телом, плюхнулось на сиденье рядом со мной. Не скрою, я испытал некоторый испуг, поскольку мы, Вустеры, не привычны к такого рода визитам вскоре после завтрака. Я уже открыл было рот спросить, чем обязан, но тут увидел рядом с собой в машине Орло Портера собственной персоной. Вероятно, когда передовые части демонстрантов скрылись у меня из виду, он что-то такое сказал или сделал, что переполнило чашу терпения лондонских полицейских, и ему пришлось спешно уносить ноги. Всем своим видом Орло Портер напоминал загнанную лань, которая страстно желает к прохладным потокам⁵.

Посреди большого города, конечно, не найти прохладных потоков, но кое-что я мог предложить, чтобы взбодрить его упавший дух. Указав на шарф клуба «Трутни», лежавший на сиденье, я в то же самое время протянул Орло Портеру свою шляпу. Он надел их и столь нехитрым способом совершенно изменил свою внешность, что оказалось как нельзя кстати. К машине приближались полицейские, но они искали человека без головного убора, а на голове Орло со всей очевидностью красовалась шляпа, и полицейские прошли мимо. Правда, я остался с непокрытой головой, но одного взгляда на меня достаточно, чтобы понять, такой блестящий щеголь никак не может быть той подозрительной личностью, которую они ищут. Через несколько минут толпа рассеялась.

– Жми, Вустер, – скомандовал Орло. – Поторапливайся, черт тебя подери.

В его голосе звучало раздражение. Я вспомнил, что он всегда был раздражителен, и его можно понять. Мало того что живешь с именем Орло, еще и торгуешь вразнос страховыми полисами, хотя когда-то мечтал сотрясать палату общин пламенными речами. Поэтому, приняв во внимание его душевное состояние, я не стал обижаться, если обида – подходящее слово для обозначения того чувства, которое испытываешь, когда тобой начинают понукать. Я нажал на газ, Орло сказал «У-уф» и вытер пот со лба.

Я не знал, как мне себя вести. Орло все еще тяжело дышал, будто загнанная лань, но некоторые, когда дышат, будто лани, любят сразу же выложить вам, в чем дело, а другие, напротив, тактично помалкивают. Я решил рискнуть.

– Небольшое затруднение? – спросил я.

– Да.

– Бывает, когда участвуешь в демонстрациях. Что случилось?

– Я врезал полицейскому.

Теперь понятно, почему он немного взволнован. С полицейскими лучше не связываться, а если пришлось кому-то из них врезать, то делать это следует с осторожностью. Я стал допытываться дальше:

– Была какая-то особая причина? Или просто так вдруг взбрело в голову?

Орло заскрежетал зубами. Он рыжий, а я по опыту знал, что в напряженные моменты у рыжих всегда повышается кровяное давление. Вспомните, как расправилась с Марией Шотландской рыжая королева Елизавета I.

– Он попытался арестовать женщину, которую я люблю.

Ясное дело, кто бы стерпел на его месте. На своем веку я влюблялся много раз, правда ненадолго, но если бы на моих глазах любимую женщину зацапала полиция, я бы за себя не поручился.

---

⁴ Точное слово (*фр.*).

⁵ Библия. Псалтырь. Псалом 41:2.

– А что же она натворила?

– Мы вместе шли во главе демонстрации, она громко кричала, что естественно для городской девушки, когда ее захлестывают эмоции. Полицейский велел ей замолчать. Она ему ответила, что живет в свободной стране и имеет право кричать сколько хочет. Он сказал, что у нее нет права кричать то, что она кричит. В ответ она обозвала его казаком и ударила. Тогда он ее арестовал, и тут я ему врезал.

Мне стало жаль побитого полицейского. Как я уже сказал, Орло – мужчина крупного телосложения, и Ванесса – девица рослая и крепкая, рука у нее тяжелая. Так что полицейский, пострадавший от этой парочки, вполне мог считаться раненным в сражении.

Однако сейчас другое занимало мои мысли. Слова «мы вместе шли во главе демонстрации» заставили меня вздрогнуть. В сочетании с предыдущей фразой «женщина, которую я люблю» они могли означать лишь одно.

– Боже праведный, – произнес я, – Ванесса Кук и есть та женщина, которую ты любишь?

– Да, это она.

– Славная девушка, – кивнул я, немного лести никогда не повредит. – И по части ослепительной красоты входит в первую десятку.

Я сразу же понял, что перестарался с комплиментами, мои слова подействовали на Орло самым неприятным образом. Его глаза выпучились и засверкали, словно он вот-вот разразится пламенной, крайне леворадикальной речью.

– Ты ее знаешь? – спросил он низким сдавленным голосом, похожим на хрип бульдога, у которого в глотке застрял здоровенный кусок мяса. Я понял, что надо соблюдать осторожность, так как, судя по всему, в душе Орло зашевелилось, как говорит Дживс, чудище с зелеными глазами, глумящееся над своей жертвой⁶. А когда в дело вступает зеленоглазое чудище, можно ждать чего угодно.

– Немного, – ответил я, – совсем немного. Мимолетное знакомство на вечеринке.

– И это все?

– Все.

– Между вами не было, как бы это выразиться, в некотором смысле близости?

– Нет-нет. Обычное шапочное знакомство, обмен любезностями, «доброе утро – доброе утро – великолепное утро, не правда ли?», если случайно встречались на улице.

– И ничего больше?

– Ничегошеньки.

Похоже, я сумел вывернуться. Злоба в нем утихла, и голос, когда он снова заговорил, уже не напоминал о подавившемся бульдоге.

– Ты назвал ее славной девушкой. И лучше не скажешь.

– Надо думать, она тебя тоже высоко ценит?

– Совершенно верно.

– И вы, должно быть, помолвлены?

– Да.

– Поздравляю.

– Но мы не можем пожениться из-за ее отца.

– Возражает?

– И слышать не хочет.

– Но в наше просвещенное время согласие отца вовсе не требуется.

Его лицо исказила гримаса боли, он весь перекосялся, как лопасти электрического вентилятора. По всей видимости, мои слова глубоко ранили его.

---

⁶ Уильям Шекспир. Отелло. Акт III, сцена 3. – Перевод М. Лозинского.

– Требуется, если ее отец – твой опекун, которому доверены твои деньги, а сам ты зарабатываешь недостаточно, чтобы содержать жену. Наследства, оставленного мне дядей Джо, хватит хоть на двадцать жен. Он был компаньоном отца Ванессы в каком-то большом деле, связанном с продовольственными поставками. Но я не могу распоряжаться наследством, потому что дядя назначил старика Кука моим опекуном, а Кук не желает отдавать деньги.

– Почему?

– Не одобряет моих политических взглядов. Говорит, что не намерен поддерживать проклятых коммунистов.

Честно говоря, при этих словах я взглянул на Орло с опаской. До сих пор я не задумывался о том, кто же он такой на самом деле, и то, что я услышал, меня неприятно поразило. Дело в том, что сам я коммунистов не жалую. Однако Орло был в некотором смысле моим гостем, и поэтому я ограничился замечанием, как это все, должно быть, ему неприятно, а он сказал: «Еще как неприятно» – и добавил, что Кука спасают только его седины, иначе он давно бы получил в глаз. Выходит, подумал я, не так уж и плохо быть седым.

– Мало того что ему не нравятся мои политические взгляды, он еще заявляет, что это я сбил Ванессу с толку. Узнал, что она ходит на демонстрации, и обвиняет в этом меня, – ей самой, говорит, такое бы в голову не пришло. Если она засветится и ее имя попадет в газеты, он отправит ее в их загородный дом, и там она будет сидеть взаперти. У него в деревне большой дом и конюшня со скаковыми лошадьми, – годами эксплуатировал вдов и сирот, вот и живет теперь в роскоши.

Я хотел было возразить, что продавать беднякам мясные консервы и картофельные чипсы по более низкой цене, чем другие торговцы, не значит эксплуатировать, но, как я уже сказал, Орло был моим гостем, и я счел за благо промолчать. В голове у меня мелькнула мысль, что Ванессе Кук недолго оставаться в Лондоне, раз она взяла манеру лупить полицейских, но я не поделился ею с Орло Портером, – зачем сыпать соль на раны.

– Но хватит об этом, – сказал он, ставя решительную точку. – Высади меня вон за тем углом. Спасибо, что подвез.

– Не стоит благодарности.

– Куда направляешься?

– На Харли-стрит⁷, к доктору. У меня на груди пятнышки.

Мои слова подействовали на него неожиданным образом.

На его лице появилось плутоватое выражение настырного торговца, Орло Портер-влюбленный уступил место совсем другому Орло Портеру, предприимчивому служащему Страховой компании Лондона и близлежащих графств.

– Пятнышки? – алчно переспросил он.

– Розовые, – уточнил я.

– Розовые пятнышки, – повторил он. – С этим не шутят. Тебе следует застраховаться у меня.

Я напомнил ему, что уже сделал это. Орло закивал:

– Да, да, да, но то была страховка от несчастных случаев. А теперь тебе нужно застраховать жизнь, и на твоё счастье, – проговорил он, вынимая из кармана бумаги, точно фокусник, достающий из шляпы кроликов, – у меня есть при себе такой полис. Подпиши вот здесь, Вустер, – приказал он, подавая мне авторучку.

И такова была сила его магнетизма, что я покорно подписал там, где он указал.

Орло выразил одобрение:

---

⁷ Харли-стрит – улица в Лондоне, где находятся приемные ведущих частных врачей.

– Ты поступил мудро, Вустер. Что бы ни сказал тебе доктор после осмотра, даже если дни твои сочтены, теперь ты знаешь, что твоя вдова и малютки обеспечены, и это послужит тебе утешением. Высади меня здесь, Вустер.

Я высадил его и поехал на Харли-стрит.

3

Хотя демонстрация и задержала меня, все же я приехал несколько раньше назначенного часа, и мне сказали, что целитель пока еще занят с другим пациентом. Я сел и принялся рассеянно листать декабрьский номер «Иллюстрейтед Лондон ньюс» за прошлый год. Вдруг дверь из берлоги Э. Джимпсона Мергэтройда распахнулась, и на пороге возник немолодой господин с характерным лицом строителя империи, массивным и темным от загара, что говорило о привычке сидеть на солнце без зонтика. Он окинул меня внимательным взглядом, а затем произнес: «Привет», – и представьте себе мое состояние, когда я узнал в нем майора Планка, путешественника и любителя регби, с которым виделся в последний раз в его доме в Глостершире, когда он обвинил меня в том, что я якобы хотел выманить у него пять фунтов. Разумеется, обвинение было безосновательным, я чист, как свежесвыпавший снег, если не чище, но тогда дело приняло довольно скверный оборот, и теперь я со страхом подумал, что, похоже, снова влип в неприятную историю. Я замер, ожидая разоблачения и пытаюсь представить себе возможные последствия, но, к моему изумлению, майор Планк заговорил со мной в самом благодушном тоне, словно со старинным приятелем:

– А мы с вами встречались. У меня отличная память на лица. Вас ведь зовут Ален, или Алленби, или Александер, или как-то в этом роде?

– Вустер, – представился я, с облегчением переводя дух, поскольку воображение уже рисовало мне страшную сцену.

Он прищелкнул языком.

– Я готов был поклясться, что ваше имя начинается на «Ал». Это все малярия. Подхватил ее в Экваториальной Африке, и теперь у меня провалы в памяти. Так вы, значит, изменили имя? Вас преследуют тайные враги?

– У меня нет тайных врагов.

– Обычно имя меняют по этой причине. Мне самому пришлось взять себе другое имя, когда я застрелил вождя племени мгомби. Разумеется, речь шла о самообороне, но это не имело никакого значения для его вдов и оставшихся в живых сородичей, они устроили на меня настоящую охоту. Попадись я им в лапы, меня бы зажарили живьем на медленном огне. Но я обвел их вокруг пальца. Они искали человека, которого звали Планк, и не догадывались, что некто по имени Джордж Бернард Шоу и есть тот самый парень, который им нужен. В тех краях сообщают тугу. Итак, Вустер, как вы поживали со времени нашей последней встречи? Весело проводили время?

– Прекрасно, благодарю вас, только вот на груди появились какие-то пятнышки.

– Пятнышки? Скверно. Сколько их?

Я честно признался, что не считал, но на взгляд вполне достаточно. Он мрачно покачал головой.

– Вероятно, бубонная чума, а может быть, спру или шистосомоз. У одного моего носильщика-туземца появились пятнышки на груди, так мы его закопали еще до захода солнца. Пришлось. Хилые создания, эти туземные носильщики, хотя по виду не скажешь. Подцепляют что ни попадя, любую заразу – спру, бубонную чуму, шистосомоз, тропическую лихорадку, насморк – всего не перечислить. Что ж, Вустер, приятно было повидаться. Я бы пригласил вас вместе отобедать, да тороплюсь на поезд. Уезжаю в деревню.

С этими словами он удалился, посеяв в моей душе некоторое смятение. Бертрам Вустер, как всем известно, не робкого десятка, и его не так-то просто запугать. Но эти рассказы о туземцах-носильщиках, которых пришлось закопать еще до захода солнца, перепугали меня не на шутку. Утраченное душевное равновесие не вернулось ко мне и при первом знакомстве с мистером Э. Джимпсоном Мергэтройдом. Типтон предупреждал, что доктор похож на старого

угрюмого мизантропа, таким он и оказался, – старым угрюмым мизантропом. У него были печальные задумчивые глаза и окладистая борода, и вообще, он походил на лягушку, которая, еще будучи головастиком, всегда видела в жизни одни только темные стороны, и я совсем пал духом.

Однако стоит узнать человека поближе, как понимаешь, что внешность обманчива, – доктор оказался не таким уж безнадежным пессимистом. Сначала он поставил меня на весы, потом перетянул мне бицепс какой-то резиновой штукой, проверил пульс, простучал меня всего с головы до пят, точно бородатый дятел, и после всех этих манипуляций он явно повеселел, и слова ободрения полились из него, как имбирное пиво из бутылки.

– Полагаю, у вас нет оснований для беспокойства, – заключил он.

– Вы полагаете? – приободрился я. – Значит, это не спру и не шистосомоз?

– Разумеется, нет. С чего вы взяли?

– Мне сказал майор Планк. Он был здесь передо мной.

– Никогда не слушайте, что вам говорят люди, особенно такие, как Планк. Мы вместе учились в школе. Его звали Придурок Планк. Нет, пятнышки не заслуживают ровным счетом никакого внимания. Через день-другой они пройдут.

– Это большое облегчение, – обрадовался я, и он выразил удовлетворение, что успокоил меня.

– Однако... – продолжил доктор.

И уже владевшая мной *joie de vivre*⁸ слегка померкла.

– Однако – что?

Теперь он стал похож на кого-то из малых пророков, который собрался бичевать грехи своего народа, – такое впечатление создавала главным образом борода, да еще брови. Я забыл сказать, что у него были косматые брови. Стало ясно, что сейчас я услышу плохие новости.

– Мистер Вустер, – начал доктор, – вы типичный представитель столичной золотой молодежи.

– О, благодарю вас, – откликнулся я, его слова прозвучали как комплимент, а на вежливость всегда приятно ответить взаимностью.

– И как все молодые люди вашего типа, вы пренебрегаете своим здоровьем. Слишком много пьете.

– Только по особо важным поводам. Вчера, например, мы с приятелем отмечали счастливый конец, увенчавший его юные грезы любви, и, возможно, я немного перебрал, но такое случается редко. Меня так и зовут: Вустер – Одно Мартини.

Мергэтройд оставил без внимания мою мужскую откровенность и продолжал:

– Вы слишком много курите. Очень поздно ложитесь спать. Мало двигаетесь. В вашем возрасте вам следует играть в регби в команде выпускников вашей школы.

– Я учился не в Регби⁹.

– А где?

– В Итоне.

– А-а, – произнес он пренебрежительным тоном. – Короче говоря, вот какова картина вашего здоровья. И вот как вы подрываете его всеми возможными способами. В любой момент может наступить полный коллапс.

– В любой момент? – содрогнулся я.

– В любой. Если только...

– Если только?

---

⁸ Радость жизни (*фр.*).

⁹ Имеется в виду одна из девяти привилегированных средних мужских школ Великобритании, где в 1823 г. впервые стали играть в регби.

Тут, судя по всему, он подошел к главному:

– Если только вы не оставите тот нездоровый образ жизни, который ведете в Лондоне. Поезжайте в деревню, на свежий воздух. Ложитесь рано спать. И много двигайтесь. В противном случае я не ручаюсь за последствия.

Я ужаснулся. Когда врач, пусть даже и с бородой, говорит вам, что не ручается за последствия, это уже серьезно. Но я не поддался панике, поскольку уже понял, как последовать его совету, не подвергая себя мучениям. Таков он, Бертрам Вустер. На ходу соображает.

– А если я поеду к своей тетушке в Вустершир? – спросил я. – Это благотворно скажется на моем здоровье?

Мергэтройд задумался, почесывая нос стетоскопом. Во время нашей беседы он то и дело чесал нос стетоскопом – видно, был сторонником свободы чесания, как Барбара Фритчи. Поэт Нэш, несомненно, почувствовал бы к нему симпатию.

– Не вижу причин возражать против того, чтобы вы пожили у своей тети, если там подходящие условия. Где именно в Вустершире она живет?

– В окрестностях города под названием Маркет-Снодсбери.

– Там чистый воздух?

– Туда экскурсантов привозят специально подышать.

– И вы будете вести там спокойный образ жизни?

– Почти растительный.

– Будете рано ложиться спать?

– Непременно. Ранний обед, тихий отдых с хорошей книгой или кроссвордом и отход ко сну.

– Тогда поезжайте.

– Отлично. Я сейчас же созвонюсь с ней.

Я имел в виду мою добрую и достойную тетю Далию – не путать с теткой Агатой, которая жует битые бутылки и, как всерьез подозревают, на полнолуние превращается в оборотня. Тетя Далия, добрая душа, в молодые годы частенько выезжала в поля в рядах охотничьих обществ «Куорн» и «Пайтчли» и не хуже других умела травить лисиц и орать «Ату! Ату ее!». А если когда и превращалась в оборотня, то, конечно же, в веселого и озорного, с которым пообщаться одно удовольствие.

На мое счастье, доктор дал мне зеленый свет, не вникая в дальнейшие детали, поскольку более пристрастный допрос показал бы, что у тети Далии служит превосходный французский повар, а любой врач, узнав про французского повара, немедленно посадил бы вас на диету.

– Итак, решено, – сказал я, довольный и веселый. – Весьма благодарен за участие и помощь. Отличные деньки стоят, не правда ли? Всего вам самого, самого, самого наилучшего.

Я вознаградил его кошельком с золотом и отправился звонить тете Далии. От намерения прогуляться в Брайтон пришлось оказаться. Мне предстояла непростая задача – напроситься в гости к тетушке, а порой это требовало определенного искусства. Если тетя Далия пребывала в мрачности из-за каких-то домашних неурядиц, она могла спросить: а что у меня своего дома нет, что ли? А если есть, то какого черта я в нем не живу?

Я дозвонился до нее с нескольких попыток, что вполне естественно, когда звонишь в такую глушь, как Маркет-Снодсбери, где телефонистов набирают на службу исключительно из местной вустерширской разновидности дефективных болванов.

– Привет, старая родственница, – начал я как можно более учтиво.

– Приветствую тебя, позорное пятно на западной цивилизации, – ответила тетя Далия зычным голосом, каким она однажды осадил собак, когда они вздумали помчаться за зайцами на лисьей охоте. – Что у тебя на уме, если там вообще что-нибудь есть? Говори быстро, потому что я укладываю вещи.

Ее слова заставили меня насторожиться.

– Укладываетесь? – переспросил я. – Вы куда-то уезжаете?

– Да, в Сомерсет, к своим друзьям Брискоу.

– Вот проклятие.

– Это еще почему?

– Я надеялся, что смогу недолго погостить у вас.

– Осечка у тебя вышла, юный Берти, не сможешь. Разве что соберешься с духом и составишь компанию Тому.

В ответ я только хмыкнул. Я очень люблю дядю Тома, но перспектива оказаться с ним один на один в его хижине вовсе не вдохновляла меня. Он коллекционирует старинное серебро и имеет обыкновение, вцепившись в вас с лихорадочным блеском в глазах, доводить до умопомрачения разговорами о подсвечниках, лиственных узорах и романской декоративной кайме. У меня же эта тема вызывает, мягко говоря, умеренный интерес.

– Нет, – ответил я, – благодарю за любезное приглашение, но лучше я сниму где-нибудь домик.

Ее следующие слова показали, что она не уловила самого главного.

– Что все это значит? – недоуменно спросила она. – Не понимаю. Почему тебе приспичило куда-то ехать? Ты что, скрываешься от полиции?

– Предписание врача.

– Быть не может! Да тебя сроду никакая хворь не брала.

– До сегодняшнего утра. У меня на груди выступили пятнышки.

– Пятнышки?

– Розовые.

– Должно быть, проказа?

– Врач так не считает. По его мнению, они вызваны тем, что я – типичный представитель золотой молодежи и поздно ложусь спать. Он велел мне поскорее ехать в деревню, на свежий воздух, поэтому мне и требуется домик.

– И чтобы жимолость оплетала дверь и старушка луна заглядывала в окна?

– Вам известно, с чего начинают поиски дома, соответствующего этому описанию?

– Я найду тебе. У Джимми Брискоу их навалом. Мейден-Эгсфорд, где он живет, расположен как раз неподалеку от модного морского курорта Бридмута-он-Си, который славится своим бодрящим воздухом. Там даже трупы спрыгивают с катафалка и пляшут вокруг майского шеста.

– Звучит неплохо.

– Я дам знать, когда найду подходящий домик. Тебе понравится Мейден-Эгсфорд. Джимми держит скаковых лошадей, и в Бридмуте вскоре ожидается большой наплыв отдыхающих, так что ты будешь не только дышать свежим воздухом, но еще и развлечешься. Кобыла из конюшни Джимми участвует в скачках, и большинство знающих людей делают ставку на нее, хотя есть и такие, которые считают, что следует опасаться соперничества со стороны лошади, принадлежащей некоему мистеру Куку. А теперь, ради Бога, положи трубку. Мне некогда.

Пока что все складывается удачно, сказал я себе, вешая трубку. Разумеется, я предпочел бы отправиться в дом моей престарелой родственницы, где несравненный повар Анатолий не устает изумлять своими блюдами гостей, вызывая у них обильное слюноотделение. Но мы, Вустеры, умеем терпеть лишения и неудобства. И все же жить в деревенском домике по соседству с престарелой родственницей будет веселее, чем просто в деревенском домике вдали от тетушки, без болтовни с ней, без ее наставлений, ободряющих слов и шуток.

Оставалось только сообщить эти новости Дживсу, и меня это немного смушало.

Дело в том, что у нас была запланирована поездка в Нью-Йорк, и я знал, что Дживс предвкушает ее с нетерпением. Понятия не имею, чем его так прельщает Нью-Йорк, но, как бы то ни было, теперь эта затея отменяется, и я боялся, что он испытает горькое разочарование.

- Дживс, – сказал я, вернувшись в ставку Вустера, – у меня плохие новости.
- В самом деле, сэр? Печально слышать.

Его бровь приподнялась на одну восьмую дюйма, и я понял, как глубоко он взволнован, потому что бровь Дживса редко приподнималась выше, чем на шестнадцатую дюйма. Наверное, он решил, что доктор дал мне только месяца три жизни, а может быть, и того меньше.

- Диагноз мистера Мергэтройда не благоприятен?

Я поспешил успокоить его:

– Благоприятен, и даже вполне. По его словам, пятнышки как таковые... Правильно я выражаюсь?

- Совершенно правильно, сэр.

– Согласно его заключению, эти пятнышки как таковые не стоят выеденного яйца, и на них можно не обращать никакого внимания. Они что легкий ветер мимо пронесутся¹⁰, а я и не замечу.

- В высшей степени приятное известие, сэр.

– В высшей степени, как вы говорите. Но не торопитесь плясать на радостях, потому что это еще не все. Вот что я имел в виду, когда сказал, что у меня плохие новости. Мне предписано удалиться в деревню и вести там размеренный образ жизни. В противном случае доктор не ручается за последствия, так он сказал. Боюсь, Нью-Йорк теперь отменяется.

Конечно, это был жестокий удар, но Дживс встретил его с невозмутимостью индейца, привязанного к столбу и ожидающего сожжения на костре. Ни единый крик не сорвался с его губ, только спокойное «В самом деле, сэр?», и я поспешил привлечь его внимание к положительной стороне дела:

– Вы разочарованы, но, может быть, это даже к лучшему, что мы не едем в Нью-Йорк. Там теперь свирепствуют грабители, всякие молодчики стреляют на улицах. Что хорошего, если вас ограбят или пристрелят. А между тем в Мейден-Эгсфорде нам это не грозит.

- Как вы сказали, сэр?

– Деревня в Сомерсете. Тетя Далия едет туда к друзьям погостить и обещала мне снять там домик. Это недалеко от Бридмута-он-Си. Вы когда-нибудь бывали в Бридмуте?

- Часто, сэр, в детстве, и хорошо знаю Мейден-Эгсфорд. Там живет моя тетя.

- А моя тетя направляется туда в гости. Удивительное совпадение.

Я обрадовался этому неожиданному обстоятельству, поскольку теперь все складывалось просто великолепно. Наверное, для Дживса заехать в деревенскую глушь – все равно, что удалиться в пустыню, и теперь он страшно обрадовался, узнав, что увидится там со своей любимой тетушкой.

Итак, все устроилось. Сообщив Дживсу плохие новости, я почувствовал себя вправе сменить тему и подумал, что ему будет интересно узнать о моей встрече с Планком.

- Дживс, я пережил у врача настоящее потрясение.

- В самом деле, сэр?

- Помните майора Планка?

- Имя кажется мне знакомым, сэр, но не припомню, где я его слышал.

– Напрягите свою память. Тот самый тип, путешественник, который обвинил меня в мошенничестве, якобы я пытался выманить у него пять фунтов. Он уже собрался вызвать полицию, но тут появились вы, представились инспектором Уитерспуном из Скотленд-Ярда и сказали, что я известный вор по кличке Альпийский Джо, которого давно разыскивают, а зовут меня так, потому что я всегда ношу альпийскую шляпу, и таким образом вам удалось меня вызволить.

- Да, сэр, теперь вспомнил.

---

¹⁰ Уильям Шекспир. Юлий Цезарь. Акт IV, сцена 3. – Перевод М. Зенкевича.

– Я столкнулся с майором Планком сегодня утром. Он узнал меня в лицо, но больше ничего не смог вспомнить и только твердил, что мое имя начинается на «Ал».

– Весьма неприятное положение, сэр.

– Ну и натерпелся же я страху. Какое счастье знать, что больше никогда его не увижу.

– Вполне понимаю ваши чувства, сэр.

А вскоре позвонила тетя Далия, сообщила, что домик для меня снят, и просила назвать дату моего приезда.

Так началась история, которую мои биографы, вероятно, назовут «Ужас в Мейден-Эгсфорде», или, может быть, «Курьезное происшествие с кошкой, которая имела обыкновение появляться в самый неожиданный момент».

4

Спустя два дня я отбыл в Мейден-Эгсфорд в своем старом спортивном авто. Дживс выехал ранее с багажом, чтобы должным образом встретить меня на месте, и я не сомневался, что увижу его окрепшим и посвежевшим после общения с тетушкой.

Я отправился в путь в приподнятом настроении. И хотя на дороге мне встречалось больше близоруких безумцев, чем хотелось бы, это никак не отразилось на моей эйфории – кажется, так называется подобное состояние духа. Благо денек выдался на редкость погожим, синели небеса, сияло солнце, и, в довершение всех удач, Э. Джимпсон Мергэтройд оказался на сто процентов прав относительно пятнышек. Они полностью исчезли, не причинив ни малейшего вреда, и кожа на моей груди вновь стала бела, как алебастр.

Я достиг цели своего путешествия ко времени вечернего коктейля, и взору моему впервые предстала сельская обитель, назначенная стать приютом Вустеру неведомо на какой срок.

Разумеется, я догадывался, что между Мейден-Эгсфордом и такими курортами, как Париж и Монте-Карло, должны существовать, как говорится, тонкие, но четкие различия, и с первого же взгляда я убедился, что не ошибся. Это была обычная деревушка, где совершенно нечем заняться, кроме как прогуливаться по главной улице до местной поилки для скота, сооруженной по случаю шестидесятилетия коронации королевы Виктории, и, обозрев ее с разных сторон, возвращаться по другой стороне той же самой улицы. Так что Э. Джимпсон Мергэтройд наверняка остался бы доволен. «Превосходно, – будто слышал я его голос, – именно то, что нужно типичному представителю столичной золотой молодежи». Воздух, насколько я мог судить по первым вдохам, своей первозданной чистотой не обманул ожиданий, и я уже предвкушал, как деревенская жизнь укрепит мое здоровье и вошьет в меня новые силы.

Одно было плохо – похоже, здесь водились привидения. Я выходил из машины, когда передо мной совершенно явственно возник призрак майора Планка, он появился из местной гостиницы «Гусь и кузнечик». Я остолбенел, оторопело уставившись на него, а он тем временем исчез за углом. Как я уже ранее упоминал, мне не свойственно впадать в панику по пустякам, но, думаю, на моем месте всякий бы растерялся, увидев привидение, которое преспокойно разгуливало по деревне среди бела дня. Словом, мое жизнерадостное настроение слегка омрачилось.

Однако я постарался взять себя в руки. Это всего лишь мимолетное наваждение, сказал я себе. Даже если со времени нашей последней встречи Планк умудрился отправиться на тот свет и теперь работает привидением, рассуждал я, то с какой стати ему являться в Мейден-Эгсфорде, когда к его услугам вся Экваториальная Африка? Он получил бы гораздо больше удовольствия, наводя ужас на туземцев, ведь у него есть причины их недолюбливать – вспомните вдов и оставшихся в живых сородичей покойного вождя племени мгомби.

Ободренный такими рассуждениями, я вошел под свой новый кров.

Огляделся – и остался доволен. Уютно обставленный домик не походил на обычное сельское жилище, должно быть, он предназначался для художника или кого-то в этом роде. В нем были все современные удобства, включая электричество и телефон.

Дживс уже ждал меня со стаканчиком подкрепляющего – правда, из уважения к почтенному Э. Джимпсону Мергэтройду это был безалкогольный имбирный напиток. Пригубив его, я решил рассказать Дживсу о том, что мне недавно померещилось. Как я себя ни успокаивал, у меня не было полной уверенности, что это не призрак. Увиденный мной выходец с того света казался вполне материальным, но, думаю, настоящие призраки скорее всего так и выглядят.

– Странная вещь, Дживс, случилась со мной, – сказал я. – Готов поклясться, я только что видел, как из местного кабачка вышел майор Планк.

– Ничего удивительного, сэр. Майор Планк вполне мог прийти в деревню. Он гостит у мистера Кука в Эгсфорд-Корте.

Я обомлел.

– Вы хотите сказать, что он *здесь*?

– Да, сэр.

Я был сражен. Когда Планк сказал мне, что уезжает в деревню, я, естественно, решил, что он возвращается к себе в Глостершир. Разумеется, если вы живете в Глостершире, то почему бы вам не съездить в Сомерсет. Вот тетя Далия, например, живет в Вустершире, а гостит в Сомерсете. На такие вещи следует смотреть шире.

Тем не менее я встревожился.

– Не нравится мне это, Дживс.

– Нет, сэр?

– А вдруг он вспомнит, что случилось во время нашей последней встречи?

– Не составит труда избегать его, сэр.

– Допустим. И все же то, что вы мне сообщили, меня крайне огорчило. Из всех людей на свете мне меньше всего хотелось бы видеть своим соседом Планка. Думаю, после такого нервного шока можно отставить имбирный напиток и заменить его сухим martini.

– Хорошо, сэр.

– Мергэтройд ничего не узнает.

– Безусловно, сэр.

Итак, приняв значительную дозу свежего воздуха и обзрев с разных сторон юбилейную поилку для скота, что, надо думать, благотворно сказалось на моем здоровье, я рано отошел ко сну в полном соответствии с предписаниями Э. Джимпсона Мергэтройда.

Эффект был ошеломляющим. Можно что угодно говорить о бороде Мергэтройда и о его мрачной физиономии, как будто он только что с похорон близкого друга, но свое дело доктор знал. После десяти часов безмятежного сна я вскочил с постели, пронесся в ванную, оделся с песней на устах и устремился к завтраку, точно двухлетнее дитя. Я умял яичницу с беконом, уничтожил гренки с мармеладом до последней крошки – так тигр в джунглях пожирает подвернувшегося на завтрак туземца – и под конец затаился умиротворяющей сигаретой. Зазвонил телефон, и в трубке прогремел бас тети Далии.

– Привет, дряхлый предок, – сказал я таким ласковым, добрым голосом, самому приятно было слышать. – От всего сердца с добрым утром, престарелая родственница.

– Уже явился?

– Собственной персоной.

– Значит, жив еще. Пятнышки оказались бессмертными.

– Они исчезли без следа, – сообщил я. – Унесены ветром.

– Это хорошо. Мне бы не хотелось представлять Брискоу пегого племянника, а тебя пригласили сегодня к обеду.

– Весьма любезно с их стороны.

– У тебя есть чистый воротничок?

– Даже несколько, и в придачу к ним безукоризненно белые рубашки.

– Только не надевай галстук клуба «Трутни».

– Разумеется, не надену, – пообещал я. Дело в том, что галстук члена клуба «Трутни», пожалуй, имеет один изъян: он слишком бросается в глаза, и в нем противопоказано появляться перед нервными людьми и инвалидами, а я не знал, относится ли миссис Брискоу к их числу. – В каком часу застолье?

– В половине второго.

– Явлюсь при полном параде.

Судя по приглашению, среди местного населения царил дух добрососедства, что не могло не радовать, и я поделился своими наблюдениями с Дживсом.

– Похоже, эти Брискоу – славные ребята.

– Полагаю, они оставляют чувство должного удовлетворения, сэр.

– Тетя Далия не сказала, где они живут.

– В Эгсфорд-Холле, сэр.

– Как туда добраться?

– Сначала по главной деревенской улице до проезжей дороги, а там повернуть налево. Этот дом нельзя не заметить. Он большой и окружен обширным парком. Идти туда около полутора миль, если вы намереваетесь прогуляться.

– Пожалуй, пройду пешком. Так бы и Мергэтройд посоветовал. А вы в мое отсутствие, как я понимаю, пойдете навестить свою тетю. Вы с ней еще не виделись?

– Нет, сэр. Я узнал от леди за стойкой в «Гусе и кузнечике», куда я заглянул вечером в день приезда, что она уехала в Ливерпуль отдохнуть.

В Ливерпуль, черт возьми! Порой складывается такое впечатление, что тетки живут только ради собственного удовольствия.

Я вышел заранее. Если эти Брискоу так жаждут моего общества, то я готов предоставить им его в изобилии.

Дойдя до проезжей дороги, откуда, по словам Дживса, следовало повернуть налево, я подумал, что не мешает проверить, правильно ли я иду. Дживс говорил уверенно, но всегда нелишне выслушать и другое мнение. И представьте себе, Дживс ошибся! Я обратился к встречному долгожителю, – а надо сказать, все обитатели Мейден-Эгсфорда казались не моложе ста пятидесяти лет, вероятно, по причине чистого воздуха, – и спросил, как пройти к Эгсфорд-Корту, и долгожитель сказал, что нужно повернуть направо. Выходит, даже Дживс может дать маху.

В одном, однако, он оказался прав. По его словам, я должен был, пройдя полторы мили, увидеть большой дом, окруженный обширным парком, и, похоже, я прошел именно такое расстояние, когда впереди показался большой дом и вокруг него парк в полном соответствии с описанием Дживса. За воротами начиналась длинная подъездная аллея, и я было пошел по ней, но потом сообразил, что могу сократить себе путь, если пойду напрямик, потому что дом, видневшийся за деревьями, был на значительном отдалении к северо-северо-востоку. Подъездные дороги не без умысла делают извилистыми, чтобы произвести впечатление на посетителей. «Господи помилуй, – подумает гость, – да эта дорога тянется на целых три четверти мили, ну и богач здесь живет».

Не помню, напевал я или нет – скорее всего насвистывал, – но, так или иначе, продвигался я быстро и только поравнялся с сооружением, похожим на конюшню, как вдруг неведомо откуда появилась кошка.

Окрас у нее был довольно своеобразный, туловище черное, но на боках белые разводы и белое пятно вокруг кончика носа. Я пощелкал языком и поманил ее к себе, и кошка, подняв хвост, подошла и потерлась мордочкой о мою ногу, давая понять, что признала в Бертраме Вустере родственную душу и свойского парня.

Кошачья интуиция ее не подвела. Еще в детстве я наизусть выучил один стишок, – не знаю, кто его автор, наверное, Шекспир, – он звучит следующим образом:

У моей любимой киски шерстка мягкая, как шелк.

Не тяни ее за хвост, не получишь лапой в нос.

И всю свою жизнь я следовал этому принципу. Спросите любую мою знакомую кошку как я отношусь к кошачьему племени, и вам скажут, что я по-настоящему добрый малый и

мне можно довериться без всякого опасения. А те, кто знает меня ближе, например, кот тети Далии, Огастус, еще добавляют, что я ловко умею почесать за ушком.

Эту кошку я тоже почесал за ушком, и такой знак внимания ей явно пришелся по нраву. Она замурлыкала, и ее урчание было похоже на негромкие раскаты отдаленного грома. Когда таким образом между нами установились добросердечные отношения, я перешел к следующему этапу, то есть взял кошку на руки, чтобы почесать ей брюшко, как вдруг небеса содрогнулись от зычного окрика «Эй!».

Сказать «Эй!» можно по-разному. В Америке это любезная форма обращения, и она нередко заменяет такое приветствие, как «Доброе утро». Встречаются двое друзей. Один говорит: «Эй, Билл». И тот отвечает: «Эй, Джордж». Потом спрашивает: «Ну, как тебе эта жара?» Джордж отвечает, что плохо переносит не столько жару, сколько влажность, и после каждый идет своей дорогой.

Но это «Эй!» звучало совсем иначе. Необузданные дикари, с которыми якшается майор Планк, бросаясь в бой, наверное, не кричат «Эй!», но если бы кричали, то, думаю, издавали бы такой же грубый рев, от которого у меня сейчас едва не лопнули барабанные перепонки. Обернувшись, я увидел краснолицего коротышку, угрожающе помахивающего арапником, что мне совсем не понравилось. Эти арапники я невзлюбил еще с тех пор, как мальчишкой был застигнут дядей за курением его сигар, и он с хлыстом в руке гнал меня по пересеченной местности добрых полторы мили. До сих пор в холодную погоду у меня ноют старые раны.

Однако в тот момент я не испытал особой тревоги. Я решил, что передо мной полковник Брискоу, который пригласил меня на обед, и хотя сейчас у него такой вид, будто он с радостью препарировал бы меня тупым ножом, все мгновенно изменится, как только я назову себя. Кто же приглашает человека к обеду, а едва тот является в назначенный час, набрасывается на него с тумаками.

И я поспешил представиться, удивляясь про себя малому росту Брискоу, – мне казалось, полковники бывают немного крупнее. Впрочем, они, наверное, бывают разных калибров, как картофелины или, коли на то пошло, как девицы. Скажем, Ванесса Кук отличалась крупным телосложением, хотя среди прочих особ, отвергнувших в свое время мое предложение руки и сердца, попадались и настоящие карлики.

– Вустер, Бертрам, – сказал я, ударяя себя в грудь.

Я ожидал, что бешеная злоба полковника тут же утихнет и раздастся радостный возглас «Как поживаете, дорогой друг, как поживаете?», лицо моего хозяина расплывется в приветливой улыбке, но ничего подобного не произошло. Он по-прежнему кипел яростью, а лицо его просто-таки побагровело.

– Вы что это делаете с кошкой? – грубо спросил он.

Я сохранял исполненное достоинства спокойствие. Мне не понравился его тон, но, по правде говоря, приятный тон редко от кого услышишь.

– Ничего, просто общаюсь, – ответил я с учтивостью, которая так красит меня.

– Вы собирались с ней удрать.

– Как это, удрать?

– Вы хотели ее украсть.

Я выпрямился в полный рост, и не исключено, что глаза мои засверкали. Какие только обвинения не обрушивались на мою голову, особенно со стороны тетки Агаты, но никто и никогда не обвинял меня в воровстве кошек. Стоит ли удивляться, что фамильная честь Вустеров была глубоко задета. С моих уст рвались гневные слова, но я задержал их, как говорится, в положении status quo. В конце концов, я здесь в гостях.

Стараясь говорить как можно более спокойно, я произнес:

– Вы ошибаетесь, полковник. У меня и в мыслях не было ничего подобного.

– Нет, было, было, было. И не называйте меня полковником.

Хотя мои старания не увенчались успехом, я не сдавался.

– Славный денек.

– Черт бы его побрал!

– Хорошие виды на урожай?

– Да пропади он пропадом!

– Здорова ли моя тетушка?

– С какой стати, черт побери, мне знать, как здоровье вашей тетки?

Это уже показалось мне странным. Если у вас в доме остановилась чья-то тетка, уж будьте добры по первому требованию огласить бюллетень, хотя бы и краткий, о состоянии ее здоровья. Я начал сомневаться, в своем ли уме эта козявка. Во всяком случае, судя по тому, как этот тип разговаривал, он вызвал бы профессиональный интерес у любого опытного психиатра.

Но я по-прежнему не сдавался. Такие уж мы, Вустеры. И попытался зайти с другого бока.

– Так любезно с вашей стороны пригласить меня на обед, – проговорил я.

Не стану утверждать, что у него пошла пена изо рта, но мои слова ему явное не понравились.

– На обед? Пригласил вас на обед? Да я бы вас так пригласил, что...

По-моему, он готов был произнести нечто уж совсем нелюбезное, но в этот момент из-за кулис раздался громкий мужской тенор, распеваящий что-то вроде популярной арии из какой-нибудь экваториально-африканской оперетки, и на сцене появился майор Планк. Тут уж пелена спала с моих глаз. Явление Планка означало, что это вовсе не дом Брискоу. Позволив себе усомниться в правоте Дживса и повернув направо, а не налево, как он мне сказал, я пришел совсем не к тому дому. На какое-то мгновение я готов был обвинить во всем того встречного долгожителя, но мы, Вустеры, умеем признавать свои ошибки, и я вспомнил, что спросил его, как пройти к Эгсфорд-Корту, где в итоге и оказался, а если вы говорите «Корт», имея в виду «Холл», то недоразумение неизбежно.

– Господи Боже мой, – пробормотал я, покраснев от смущения, – так вы не полковник Брискоу?

Он не снизошел до ответа, но тут в разговор вступил Планк.

– Привет, Вустер, – воскликнул он. – Кто бы мог подумать, что мы здесь встретимся? Я не знал, что вы знакомы с Куком.

– Вы его знаете? – проговорил багровый человечек, явно потрясенный открытием, что я могу водить знакомства с приличными людьми.

– Конечно, знаю. Встречался с ним у себя дома в Глостершире, правда, не помню, при каких обстоятельствах. Скоро вспомню, но могу только сказать, что он сменил имя. Раньше оно начиналось на «Ал», а теперь его зовут Вустером. Наверное, его настоящее имя было настолько мерзким, что он больше не мог его терпеть. Я знал одного в Обществе путешественников, его звали Клоппс, и он сменил имя на Уэстмакоут-Тревелиан, и, по-моему, поступил очень разумно. Но бедняге это не принесло счастья. Едва он привык подписывать свои долговые расписки «Гилберт Уэстмакоут-Тревелиан», как его разорвал на куски лев. Ничего не поделаешь, такова жизнь. Что сказал доктор, Вустер? Это бубонная чума?

Нет, не бубонная чума, ответил я, и он сказал, что рад это слышать, потому что с бубонной чумой шутки плохи, это каждый знает.

– Вы остановились здесь?

– Нет, я снял домик в деревне.

– Жаль. А то могли бы сюда переехать. Составили бы Ванессе компанию. Но вы пообедадите с нами? – спросил Планк, как будто гостю пристало раздавать приглашения в дом хозяина, а между тем любая авторитетная книга по правилам хорошего тона разъяснила бы ему, что этого делать не следует.

– Сожалею, но я обедаю у Брискоу в Эгсфорд-Холле, – ответил я.

При этих словах Кук, который все это время молчал – вероятно, сорвал голосовые связки, – прохрипел:

– Я знал это! Я был прав! Я знал, что его нанял Брискоу!

– О чем вы, Кук? – удивился Планк.

– Не важно о чем. Я знаю, что говорю. Этого человека нанял Брискоу, чтобы он украл мою кошку.

– Зачем ему красть вашу кошку?

– Вы прекрасно знаете зачем. Вы не хуже моего знаете, что Брискоу ни перед чем не остановится. Посмотрите на этого человека. Посмотрите, какое у него лицо. На нем написано, что он преступник. Я поймал его на месте преступления с кошкой на руках. Держите его, Планк, а я пойду позвоню в полицию.

С этими словами он повернулся и ушел.

Признаться, когда он велел Планку держать меня, мне стало не по себе, потому что я знал по опыту, какими приемами пользуется Планк. Кажется, я уже упоминал, что во время нашей предыдущей встречи в Глостершире Планк собирался задержать меня, используя зулусскую дубинку с шипами, и хотя сейчас в руках у него была всего лишь внушительная трость, она мало чем уступала зулусской дубинке.

К счастью, Планк был настроен благодушно.

– Не обращайтесь внимания на Кука, Вустер. Он расстроен. Небольшие семейные неприятности. Поэтому он и пригласил меня пожить у него. Надеюсь, я ему что-нибудь присоветую. Дело в том, что он отпустил свою дочь Ванессу в Лондон изучать искусство в школе Слейда¹¹, кажется, так это называется. Она же связалась с дурной компанией, попала в полицию, и так далее и тому подобное. Кук как строгий отец потребовал, чтобы дочь вернулась домой и сидела здесь, пока не поумнеет. Бедняжка, конечно же, не в восторге, но я ее успокаиваю, говорю, ей еще повезло, что она не в Экваториальной Африке. По тамошним порядкам, если дочь запятнает свое имя, отец отрубает ей голову и закапывает труп в саду. Жаль, что вы уходите, Вустер, но, наверное, сейчас это к лучшему. Я не утверждаю, что Кук вернется с ружьем, но как знать, что ему взбредет в голову. На вашем месте я бы ушел.

Совет показался мне разумным. И я ему последовал.

---

¹¹ Школа Слейда – художественное училище при Лондонском университете, основано в 1871 г. Названо в честь Феликса Слейда, филантропа и коллекционера произведений искусства.

5

Я направился к своему дому где оставил машину Когда я туда добрался, получалось, что в общей сложности я отшагал три мили, и, следовательно, мои натруженные икроножные мышцы нуждались в некоторой передышке, а если это не понравилось бы Э. Джимпсону Мерг-этройду, то пусть оставит свое неодобрение при себе.

Мне особенно не терпелось воссоединиться с Дживсом и услышать его мнение о приключившемся со мной странном происшествии, загадочнее которого в моей жизни ничего не случилось.

Я не мог понять, почему Кук на меня набросился. Версия Планка, объяснявшего грубость Кука тем, что Ванесса связалась в Лондоне с дурной компанией, показалась мне полным бредом. Даже если ваша дочь неразборчива в знакомствах и колотит полицейских, совсем не обязательно бросаться на первого встречного и обвинять его в том, что он ворует кошек. Одно из другого вовсе не следует.

– Дживс, – сказал я, добравшись до финишной ленточки и рухнув в кресло, – ответьте откровенно на вопрос, который я вам задам. Вы давно меня знаете.

– Да, сэр.

– У вас была полная возможность изучить мою психологию.

– Да, сэр.

– Как, по-вашему, я похож на человека, который крадет кошек?

– Нет, сэр.

Его уверенный ответ весьма меня обрадовал. Ни секунды колебаний, никакого меканья и беканья, просто и ясно: «Нет, сэр».

– Именно это я и ожидал от вас услышать. Так сказал бы всякий в клубе «Трутни», да и где угодно. Тем не менее мне предъявили обвинение в воровстве кошки.

– В самом деле, сэр?

– И обвинил меня в этом некий краснолицый пигмей по имени Кук. – Я тотчас же, как говорится, если не ошибаюсь, ничтоже сумняшеся, поведал ему о странном происшествии, приключившемся со мной, лишь вскользь коснувшись того, как я, выйдя на проезжую дорогу, усомнился в его указаниях.

Дживс внимательно слушал, и когда я закончил свой рассказ, на его лице мелькнуло некое подобие улыбки – чуть дрогнул уголок рта, словно туда сел какой-то летающий объект вроде комара.

– Кажется, сэр, я могу дать объяснение.

Я не поверил своим ушам и почувствовал себя доктором Ватсоном, которому Шерлок Холмс сейчас объяснит, чем различаются сто сорок семь видов табачного пепла и за какой период времени петрушка осядет на дно масленки.

– Поразительно, Дживс, – проговорил я. – Профессор Мориарти и минуты бы против вас не продержался. Неужели и вправду все части головоломки сошлись в единую картину и каждая деталь заняла свое место?

– Да, сэр.

– И вам все известно?

– Да, сэр.

– Невероятно!

– Элементарно, сэр. Я обнаружил, что завсегдатаи «Гуся и кузнечика» могут служить ценным источником информации.

– Вы побеседовали с ребятами в задней комнате?

– Да, сэр.

– И что же они вам рассказали?

– Оказывается, между мистером Куком и полковником Брискоу существует глубокая рознь.

– Иначе говоря, они недолюбливают друг друга.

– Именно так, сэр.

– Думаю, для деревни это не редкость. Заняться-то нечем, только и думаешь, какая гнида твой сосед.

– Возможно, вы правы, сэр, но в данном случае для вражды имеется гораздо более серьезное основание, по крайней мере со стороны мистера Кука. Полковник Брискоу занимает пост председателя местного совета мировых судей и в этом качестве недавно оштрафовал на солидную сумму мистера Кука за то, что он выпускал своих свиней пастись, не оформив соответствующего разрешения.

Я понимающе кивнул. Действительно, есть от чего прийти в негодование. Сам я не держу свиней, но будь у меня свиньи, я бы горячо возмутился, если бы мне запретили менять им место и ландшафт без разрешения совета мировых судей. Мы что, в России?

– Кроме того...

– Как, еще не все?

– Нет, сэр. Кроме того, они соперничают как хозяева скаковых лошадей, и это создает дополнительный источник трений.

– Почему?

– Сэр?

– Я не понимаю почему. Большинство владельцев крупных конюшен поддерживают вполне дружеские отношения. Можно сказать, любят друг друга, как братья.

– Крупные владельцы – да, сэр. Но иначе обстоит дело с теми, чья сфера деятельности ограничена небольшими скачками местного масштаба. Здесь соперничество приобретает более личный и острый характер. По мнению моих осведомителей из «Гуся и кузнечика», на предстоящих скачках в Бридмуте-он-Си основная борьба разгорится между Симлой, лошадью Брискоу, и Потейто Чипом, лошадью мистера Кука. Все прочие участники не заслуживают внимания. Вот почему по мере того как приближается дата соревнования, враждебность между этими двумя джентльменами только возрастает. Сейчас для них обоих самое главное – создать такие условия для лошадей, чтобы ничто не мешало готовиться к соревнованиям. Строгое соблюдение режима тренировок имеет первостепенное значение.

Он мог бы этого и не говорить. Мне ли, старому опытному игроку, не знать, что без усиленных тренировок не добиться успеха на беговой дорожке. Помню, однажды у тети Далии в Вустершире на деревенском спортивном празднике я сделал крупную ставку на Марлин Купер, племянницу садовника. Она была фавориткой в забеге с яйцом в ложке для девочек младше пятнадцати лет, но накануне соревнования Марлин нарушила режим, налопалась незрелого крыжовника до колик в животе и, естественно, не вышла на старт.

– Но, Дживс, – недоумевал я, – хотя все это необычайно увлекательно, я все же не понимаю, почему Кук пришел в такое бешенство из-за кошки. Видели бы вы, как подскочило его кровавое давление, оно взвилось вверх, точно ракета. Кук так рассвирепел, словно он большая шишка в министерстве иностранных дел, а я – таинственная незнакомка под густой вуалью, благоухающая экзотическими ароматами, пытаюсь похитить секретный морской договор, и он застукал меня на месте преступления.

– К счастью, я могу пролить свет на эту тайну, сэр. Один из завсегдатаев «Гуся и кузнечика», с которым у меня установились дружеские отношения, служит у мистера Кука, и он представил мне сведения на этот счет. Дело в том, что кошка приبلудная, в одно прекрасное утро она появилась на конном дворе, и Потейто Чип внезапно преисполнился к ней симпатии.

Насколько я понимаю, такое нередко случается с породистыми лошадьми, хотя чаще их расположение вызывают коза или овца.

Для меня это было полным откровением. Я никогда не слышал ни о чем подобном.

– Коза? – переспросил я.

– Да, сэр.

– Или овца?

– Да, сэр.

– Вы хотите сказать, любовь с первого взгляда?

– Можно назвать и так, сэр.

– Какие же ослы эти лошади, Дживс.

– Бесспорно, сэр, уровень их умственного развития оставляет желать лучшего.

– Хотя если изо дня в день не видишь никого, кроме Кука и конюхов, то и кошке обрадуешься как приятному разнообразию. Стало быть, дружба крепла?

– Да, сэр. Теперь кошка спит ночью в лошадином стойле и там же встречает своего друга днем, когда он возвращается после тренировок.

– Желанный гость?

– В высшей степени желанный, сэр.

– Можно даже сказать, почетный. Чудеса, да и только. Я бы скорее подумал, что такой нетопырь в человеческом обличье, как Кук, одним пинком вышвырнет вон бродячую кошку.

– Как рассказывал мне мой осведомитель, нечто подобное произошло, и последствия были плачевны. Потейто Чип стал вялым, отказывался от еды. Но стоило кошке вернуться, как он сразу же обрел живость и аппетит.

– Надо же!

– Да, сэр, меня самого эта история удивила.

Я встал. Время шло, а между тем я представил себе, как семейство Брискоу, прижав носы к окну в гостиной, высматривает меня, спрашивая друг у друга: «Где же он? Где наш Вустер? Куда запропастился?»

– Что ж, Дживс, весьма вам благодарен, – сказал я. – Вы, как обычно, со своим... – забыл, как это называется, – пролили свет на то, что осталось бы неразгаданной головоломкой. Если бы не вы, я проводил бы бессонные ночи, ломая голову над вопросом, отчего Кук, черт возьми, так взбеленился. Ваше объяснение несколько примирило меня с ним. Конечно, я никогда бы не отправился с этим уродом в пеший поход, и если ему вздумается выдвинуть свою кандидатуру в клуб «Трутни», само собой, я проголосую «против», но теперь мне хотя бы понятна его точка зрения. Он видит меня с кошкой на руках, узнает, что я в приятельских отношениях с полковником, его заклятым соперником, и делает естественный вывод, что дело тут нечисто. Вот он и завопил, точно грешник в аду, да еще замахнулся арапником. Спасибо, хоть не пустил его в ход.

– Ваш широкий взгляд заслуживает восхищения, сэр.

– Всегда надо стараться поставить себя на место другого и помнить... помнить что?

– *Tout comprendre c'est tout pardonner*¹².

– Благодарю вас, Дживс.

– Не стоит благодарности, сэр.

– А теперь скорее в Эгсфорд-Холл.

Если вы спросите, что думают обо мне в кругах, где я вращаюсь, то услышите в ответ, что я общительный человек, который всегда рад знакомству с новыми лицами, поэтому к воротам Эгсфорд-Холла я должен был бы подкатить в самом веселом расположении духа. Но как бы

---

¹² Понять – значит простить (*фр.*).

не так! И мои новые знакомые были в том совсем не виноваты. Полковник Брискоу оказался радушным хозяином, миссис Брискоу – радушной хозяйкой. Помимо тети Далии, на обеде присутствовали брат полковника, преподобный Амброуз Брискоу, и его дочь Анжелика, премиленькая юная особа, в которую я непременно бы влюбился, если бы не был так сильно озабочен. Словом, общество собралось самое что ни на есть приятное.

Дело в другом. Я был поглощен тревожными мыслями, и беспокоило меня не соседство Ванессы Кук. В Англии трудно найти место, где не оказалось бы девушки, которая успела когда-то отвергнуть мое предложение руки и сердца. Я сталкивался с ними повсюду, в таких удаленных друг от друга местах, как Бьюд в графстве Корнуэлл и Седберг в Йоркшире. Нет, голова Вустера была занята мыслями о папаше Куке и его арапнике. Крайне неприятно сознавать, что у вас не заладились отношения с человеком, который того и гляди впадет в бешенство, и тогда с большой долей вероятности можно ожидать, что он устремится напрямик к Бертраму.

В итоге я не сверкал остроумием во время парадного застолья. Обед был превосходным, а поданный в завершение портвейн заслуживал высочайших похвал, и я усердно поглощал его, чем наверняка вызвал бы у Э. Джимпсона Мергэтройда горестный вздох осуждения. Но вот что касается остроумной беседы, то тут я полностью провалился. Должно быть, у моих хозяев довольно скоро возникло подозрение, что их гость – монах из ордена траппистов, хотя и обладающий волчьим аппетитом.

Во всяком случае, нечто подобное явно пришло в голову тете Далии, и я в том вполне убедился, когда после трапезы она повела меня на прогулку, чтобы я мог обозреть то, что Дживс назвал обширным парком. Тетя отчитала меня, по своему обыкновению не церемонясь с выбором слов. Сколько себя помню, она всегда была моим лучшим другом и самым строгим критиком, а когда ругала племянника, то уж от души.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.